

ЭТОТ НОМЕР „КРОКОДИЛА“ — СПЕЦИАЛЬНО КОММУНАЛЬНЫЙ. ВЫХОДИТ В 4-х ИЗДАНИЯХ: ОСНОВНОЕ, МОСКОВСКОЕ, ЛЕНИНГРАДСКОЕ И УРАЛО-СИБИРСКОЕ

КРОКОДИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

М. Черемных

ЦЕНА
15 КОП.

ДЕСЯТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ
ИЮЛЬ 1931
МОСКВА

№ 20

Темпы коммунального строительства еще значительно отстают от общего роста нашего хозяйства.

СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ (коммунхозу): — Эй, товарищ! Это жилище не по МОЕМУ РОСТУ...

Ю. Ганф

...Одни изучают, чтобы строить...

...а другие — чтобы разрушить.

ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ

Необходимо покончить с практикой торжественных парадных заседаний пленумов горсоветов. Пленумы горсоветов должны стать центрами делового развешения вопросов городского хозяйства.

(Из резолюции пленума ЦК).

ТОРЖЕСТВЕННОСТИ было много. У входа в горсовет висел пышно разрисованный плакат:

«Сегодня торжественное заседание пленума. Явка обязательна. После деловой части — концерт. Начало пленума ровно в 17 часов».

Секретарь торопливо и хлопотливо бегал по пустому залу и подготавливал последние торжественные детали.

— Люстру-то будем зажигать? — спросил сторож.

— А как же, как же, на полный свет, — засуетился секретарь.

Он осмотрел стол президиума, накрытый новым красным сукном с золотыми кистями по углам, и тревожно спросил:

— А торжественная делегация от женотдела здесь?

— Здесь, — успокоил сторож. — Давно вон в уголке в шашки играют...

— Товарищ маэстро! — сказал секретарь дирижеру: — Сыграйте нам что-нибудь. Может, тогда скорее все соберутся. Только что-нибудь поторжественнее...

Оркестр играл, люстра горела, секретарь страдал, глядя на стрелки часов:

— Уже семь, а никто не собирается. Что их чума, что ли, заела?..

Наконец, около девяти пришел председатель горсовета и хмуро сказал:

Измок, как чорт!..

— Разве дождь на улице?

— Какой к дьяволу дождь, — сказал председатель, закрутив брюки. — Водопровод наш ни к чорту не годен.

Лопнули трубы, пришлось жене в ведрах воду таскать. О порог загнулся, целое ведро на себя вылил... Никого еще нет?

— А вон товарищ Сухоруков идет...

— Что ж вы так поздно! — укоризненно сказал председатель. — Торжественный пленум, а тут жди вас...

— А я виноват, что у нас электричество такое, — огрызнулся Сухоруков. — Потухло, подлое, что ты делаешь? Полгорода избегал за лампой керосиновой. Надо Егорову взбучку дать, это по его сектору электричество... А вон как раз и Егоров...

Егоров, красный, запыхавшийся, с узелком в руках, тревожно спросил:

— Не начинали еще торжественный?

— С кем начнешь?! — сказал председатель. — Все вот, как ты, опаздывают.

— Да это не я, а Сухоруков виноват...

— Я?

— Да, вы. Бзни — ваш сектор? Ваш. Пошел я в баню. Думаю, перед торжественным пленумом и помоюсь. Прихожу в 3 часа, а очередь уже у «Прспекта энтузиастов»... Стоял, стоял... Народ ругается. Аж ноги потом заломило. Взял, наконец, билетик, в предбаннике — лужи грязные, а в бане — духота, вода по капелькам идет, а очередь голая в коридор вытянулась и растет себе прямо к кассе обратно. Тыфу, а не мыть!.. Надо наладить банвопрос...

К председателю подошел мальчишка и подал записку.

— От кого это?

— От папани.

— Да который отец?

— Это Вишневого сыниска! Нашего же члена по прачечному сектору.

Председатель развернул записку и прочитал:

БЕРЕГИТЕ ВРЕМЯ

ВРЕМЯ — мчится. Дела — ворох.

Каждый час нам очень дорог.

И миллионом голосов

Мы не прочь заставить небо

Сделать так, чтоб было б в дне бы

Тридцать, сорок, сто часов.

Дела — ворох. Уж не птицей —

Самолетом время мчится.

Время дорого до слез.

А меж тем, как груз и бремя,

Нам сберечь мешают время

И нарпит и горькомхоз.

Утро... Главная забота

В срок потрафить на работу.

Опоздать теперь — скандал.

Но... от злости изнывая,

Пропускаешь три трамвая,

И — конечно, опоздал.

Час обеда... Хочет каждый

Поскорей покончить с жаждой

И, поевши, отдохнуть.

Но — увы! — хвосты за квасом,

Всюду — хвост: к посуде, к кассам.

Глядь, — и некогда вздохнуть.

Вечер... Смена на заводах.

После дела — нужен отдых.

Отдохнуть никто непрочь.

Но до парка — не достанешь,

А в кино — стоять устанешь.

Взял билет и, смотришь, — ночь.

Пятидневки день свободный,

День зарядки всенародной,

Научились мы ценить,

Но и этот день впустую

Уплывает зачастую,

И опять не нас винить.

Мало прачечных открыто,

И приходится корыту

День свободный отдавать,

Трудно с баней, плохо с дачей, —

Словом, так или иначе. —

Очень трудно отдышаться...

Всюду — стройка. Дела — ворох.

Каждый час бесценно дорог,

Время дорого до слез.

Почему ж вразрез со всеми

Плохо ценит наше время

И нарпит и горькомхоз.

Вас. Лебедев-Кумач.

«Притти на торжественный пленум не могу. Помогаю таскать на чердак белье. Член президиума Вишневецкий».

— Какое белье? — недоумевал председатель.

— А у нас постирушка, — весело пояснил мальчишка, — ну, и папани подмогает. А то маманя всегда, когда постирушка, ругается: «Когда мы механических прачечных дождемся! А зачем, говорит, вас только выбирать?»

— Ну, ладно, ладно, — остановил его председатель, — нечего тут демагогию разводить!

Написал на записке резолюцию «К делу» и удивленно застыл, увидев перед собою председателя сектора «Внешнего благоустройства» товарища Клейкина. Вся голова Клейкина была забинтована.

— Ваня, что с тобою?!

— Благоустройство наше... Шел по улице «Свободы», а с одного карниза как оторвется кирпич, да ка-ак шмякнет по голове...

Оркестр в пятый раз заиграл «Торжественную кантату»...

Вл. Тоболяков.

КАК РАСТЕТ МОСКВА: НЕ ПРОСТО СЛОВА, А НАГЛЯДНЫЕ ФОТО... ТО-ТО!

СНАЧАЛА догнать,
Потом перегнать...
Ей ли не знать
Боевого завета, —
Красной Москве-то?
Хоть еще по углам
Торчит старый хлам:
Грибками топырятся
То Успенье, то Троида, —
А Москва, знай, ширится!
А Москва, знай, строится!
Хочет быть других —
Не первое,
Хочет быть других —
Поновее.
Хоть быть других —
Не багаче,
А жизнь постронть
Иначе:
Стала столицей рабочейю!

★

Вон стоят леса.
В лесах — корпуса.
В корпусах — чудеса:
Всякая наука и техника!
Просит Сельмаш:
— Прибавьте этаж!
Пишет Химстрой:
— Прибавьте другой!
А следом Кузбасс:
— Не забудьте и нас!

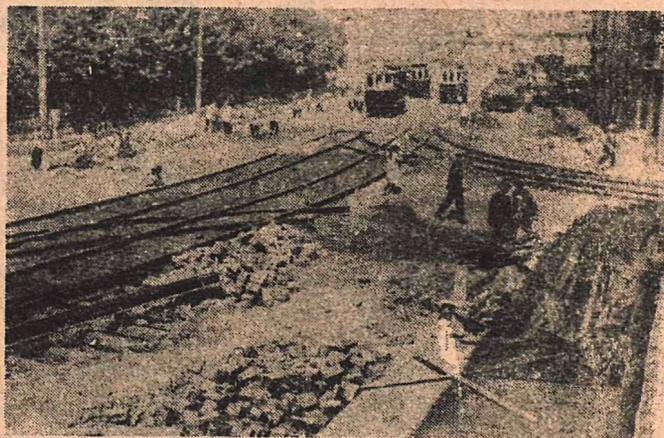
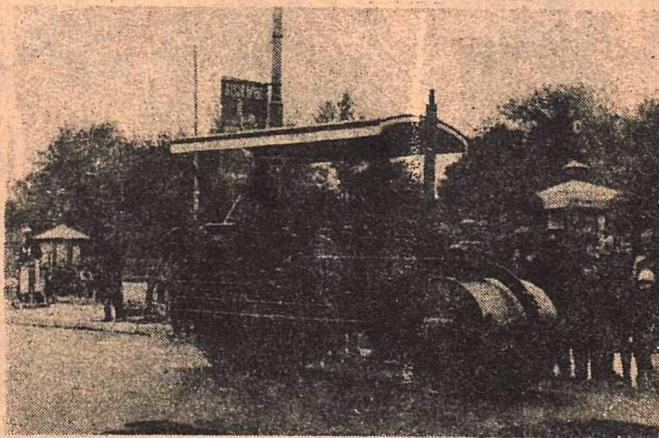
А это что: трактор?
— Нет, браток:
Моторный каток.
Была мостовая,
Косая да кривая.
А теперь — нате-ка:
Ровнее квадратика
Асфальт залатал,
Каток-укатал —
Зеркало да и только!

★

А вот, а вот:
Теплопровод.
Подожди, браток:
Побежит кипяток,
Потечет по трубам —
По заводам, по клубам,
По квартирам рабочим:
Уж о дровах не хлопочем!
Самое центральное отопление!

★

А осень настанет, —
Дыры затыкает,
Засыплет рвы
Выметет щепы,
Подвинтит скрепы:
Не узнать Москвы!
Разделали за лето,
Да как деловито:
Асфальтом залито,

Извольте! Нате! Пожалуйста!

★

А внизу накидано:
Еще такого не видано!
Кирпичи, бревна —
Землетрясение ровню!
А вы б поглядели —
Через две недели:
Побегут пути.
Запоют: «Кати!
Кати, раскатывай,
Километры охватывай...»
— Граждане! Кто без билета?

★

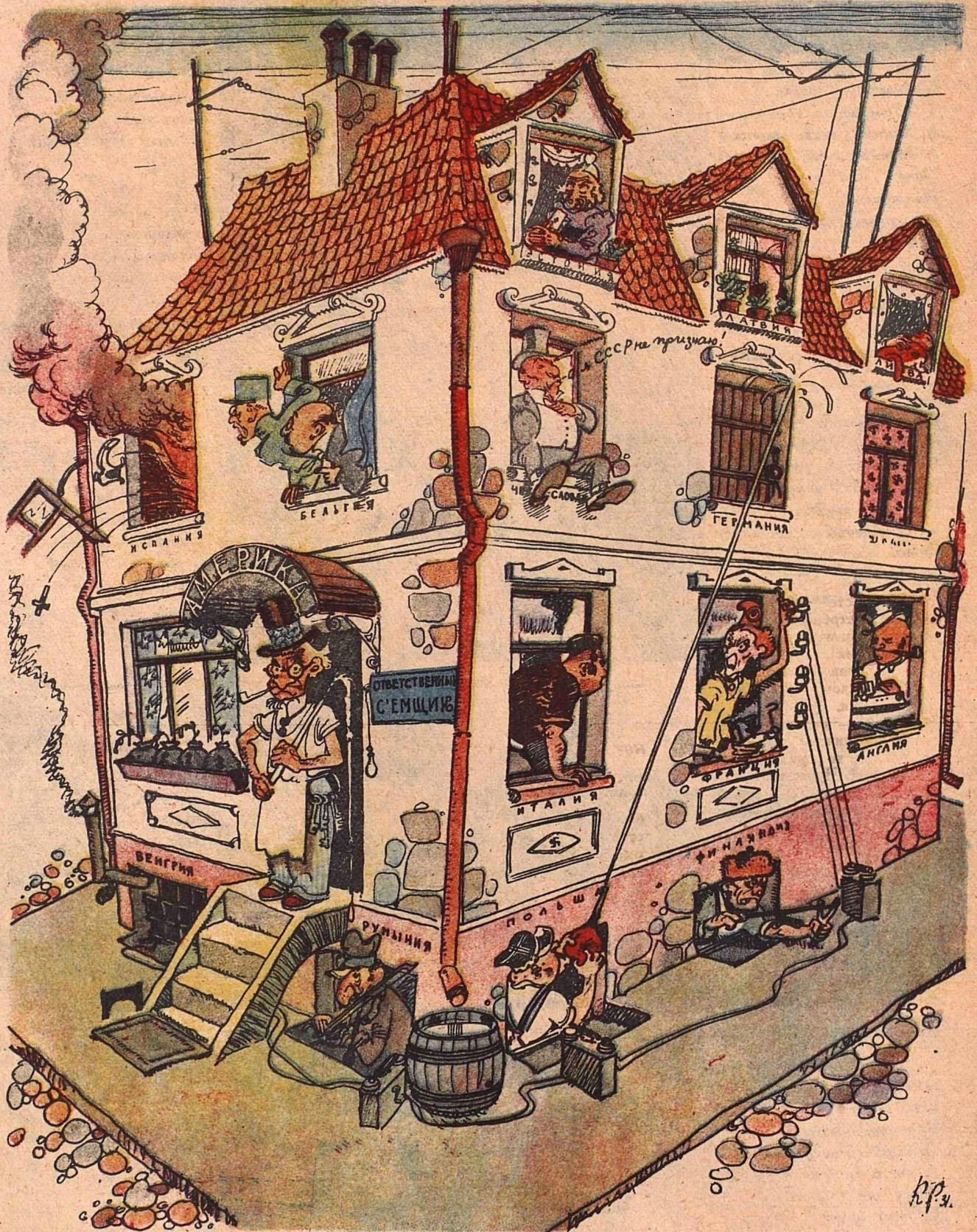
— Товарищ редактор!

Краской покрыто.
Все несется, движется,
Бусами низется
Одно к другому:
Гулу-то! Грому!
Трамвай грохает.
Автобус охает.
Циклеты сопят.
Паккарды шпят.
Новая Москва—старой не пара.
— Гражданин,
Не сходи с тротуара!
Береги-и-ись!

ЖИЛКООП „МИРОВОЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

(Зарисовка К. Ротова)

Единственный способ спасти это хозяйство от кризиса — это сделать его КОММУНАЛЬНЫМ!

ЖУЧКОВ шел на работу, не спе-
ша. Он по дороге любовался
своим родным городом.

— Какая красота! — восхищался
он, аппетитно ступая в лужу на мо-
стовой.

Постороннему наблюдателю было
бы непонятно, — в чем именно Жуч-
ков находил красоту. И лужа и мо-
стовая имели явно душегубный вид.
А городские строения могли вызвать
скорее панику, чем восхищение. Это бы-
ла какая-то нелепая помесь унылой
казармы с боярским теремком, при-
правленная купеческим модерном. Пя-
тиэтажные дома чередовались с одно-
этажными лачугами и заборами. Но
Жучкову как раз это все и нравилось.

Выбравшись на тротуар, Жучков
ласково посмотрел на его замыслова-
тую поверхность.

— Костоломка! Могила! — радост-
но оценил Жучков достоинства тротоу-
ара. — Тут и акробату не пройти.

И, действительно, на втором же ша-
гу, Жучков споткнулся и шлепнулся
обширным своим чревом о землю.

— Осторожно! — посоветовал кто-
то из прохожих, — тут упасть мож-
но...

— А то как же! — гордо ответил
Жучков, — на то его, голубчика, и
строили, чтобы ходить было невоз-
можно!

Погладила Жучков ушибленное чре-
во и пошел дальше.

Неожиданно поперек дороги встала
пузатая церковушка. Она вылезла не
только на тротуар, но и на улицу.
Жучков перекрестился.

— Матушка ты моя, заступница... —
шептал он вместо молитвы, — ведь
как хорошо построилась: ни проходу
ни проезда. Хочешь-не хочешь, а зай-
дешь. Коммерция!

Однако Жучков не зашел, а свер-
нул в кривую улочку, упершись через
три дома в тупик.

— Тупичок! — умилился Жучков, —
это какой же тупичок? Ах, да — Криво-
кишечный! А то еще недалеко есть
Прямокишечный. Чудесно! Вот и пла-
нируй тут! — радовался Жучков, воз-
вращаясь на прежнюю дорогу.

Вскоре Жучкову пришлось переби-
раться через насыпи и глубокие рвы
для водопровода.

— Копайте, копайте, голубчики.
Весь город придется перекопать. Тру-
бочки-то проложены только в центре,
да и то плохенькие. Купчишка Жало-
сков клаа. За взятку клаа.

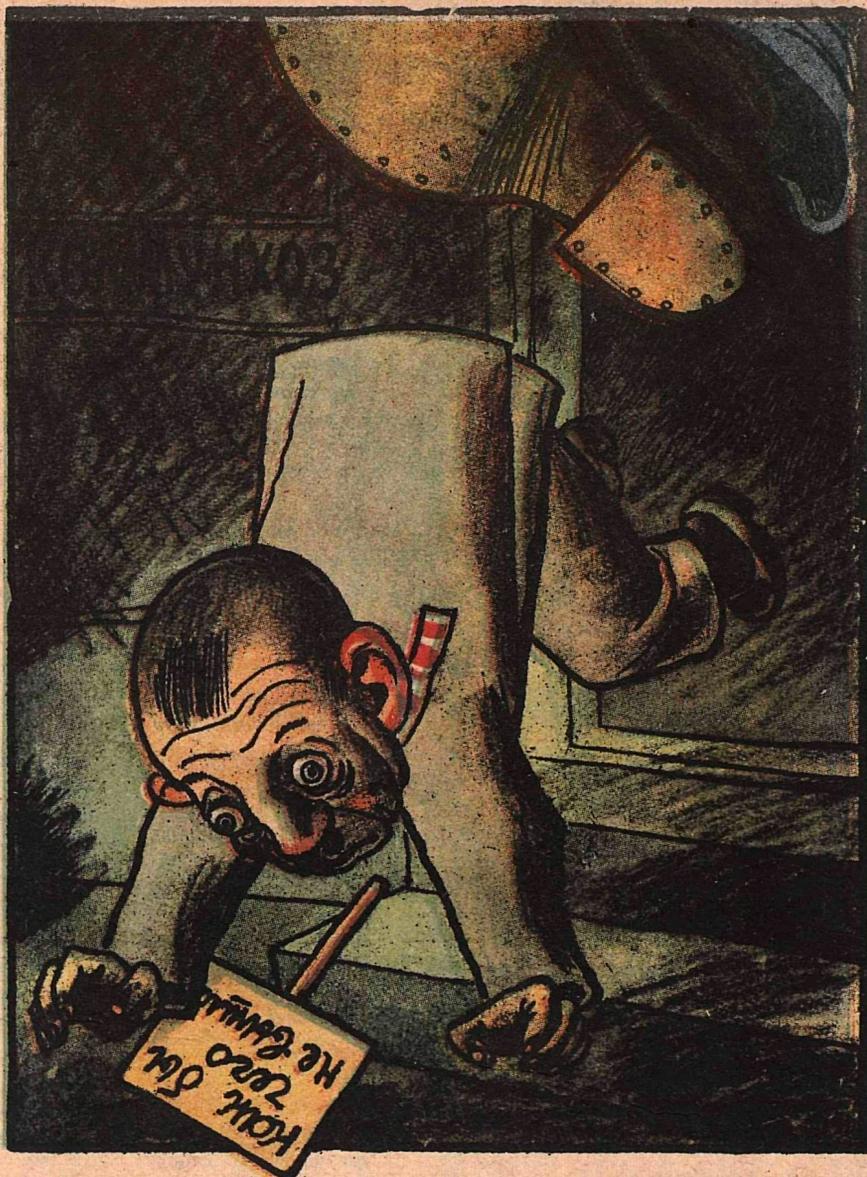
Жучков даже потер руки от удоволь-
ствия. Словно сам принимал конверт
с благодарностью.

Всю дорогу Жучков умилился и ра-
довался. Всякую мелочь городского
хозяйства он оглядывал любовным
взглядом и находил в ней понятную
только ему прелесть. Даже зловонные
уборные благоухали для него финна-
мом.

Немудрено, что Жучков опоздал на
работу.

Его начальник — управдом това-
рищ Шуко, встретил Жучкова словно
шляца — неприязненно и грубо.

— Не время теперь опаздывать.
Кампания по реконструкции городско-
го хозяйства, а у нас даже старые афи-
ши не соскоблены! Голова садовая!

ОППОРТУНИСТ: — На профсоюзной работе был, на рыб-
ной путине — был, в кооперации был... Куда же теперь податься?..

Жучков не обиделся. Наоборот. Он
был даже доволен, что товарищ Шуко
сердится. Жучков понимал, что това-
рищ Шуко вышел из себя от труд-
ностей реконструкции. А автором пре-
пятствий для нее Жучков считал са-
мого себя. Он гордился этой вред-
тельской ролью. Больше того, он счи-
тал себя вредителем с самым боль-
шим стажем. Он вредительствовал
еще до революции. Это он создал го-
родское хозяйство без плана, без пер-
спектив, без здравого смысла вообще!

— Гм... Садовая голова! — усмех-
нулся он, выходя из конторы, — не
садовая голова, а градская голова! Ка-
мергер двора его величества.

Жучков, в самом деле, был до ре-
волюции городским головой и при-
дворным камергером.

От всего этого великоления у него
остался только намек на придворное
звание, — теперь он был смотрителем
двора жакта по Глубококкладбищен-
скому переулку — да гордость за не-
лепое творение рук своих, за свой го-
род!

Б. Самсонов.

ЖИЛПЛОЩАДЬ ПЛАКАТА

У РАБОЧЕГО Вещина
Тьма плакатов навешана.
Плакат над столом:
«Крепите взаем».

Над сундуком, воле топки:
«Рассосем транспортные пробки».

В углу, где играют детки:
«Все на выполнение пятилетки».

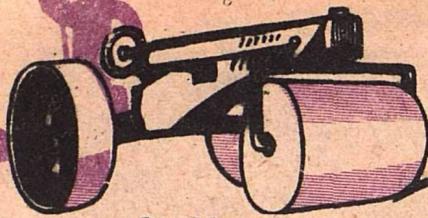
В другом, где инструментов ворох:
«Держите сухим порох»...

Скажут: — Высоко сознателен Вещин!
Возможно. Но и другой факт здесь
навешан:

В красный уголок без промедления
Вселило Вещина домоуправление.

Вот насколько оно сознательно, —
Надо выяснить обязательно.

М. Андриевская.

МОСКВА НОВАЯ

Эй, Москва,
 Рассея глава:
 Гулкая,
 Кривоулка,
 Грязная,
 Несуразная,
 В сорок сороков
 Медных языков,
 В сорок сороков
 Узких тупиков,
 Холмистая,
 Куполстая,
 Белокаменная!

Распласталась, полуденным
 солнышком
 От стекла ко стеклу залита...
 Не тебя ли по камушкам-брен-
 нышкам
 Собирал Иоани Калита?
 Не тебя ли купцы-греховодни-
 ки
 Осеняли крестом по мурлу, —
 И грибами Миколы-угодники
 Вырастали на каждом углу?
 Византийско-монгольско-затей-
 ная,
 В золоченых резных колпаках,
 Ты лежишь, словно рухлядь му-
 зейная,
 У живых поколений в ногах...

Э-эх, терпеть ли
 Тупики да петли?
 Нам ли подстать
 По заставам плутать?
 Отступись, затейная
 Старина музейная,
 Резная,
 Кружевная,
 Мозаичная...
 Вот проверим по списку—
 И в чистку!
 Параскева-пятница,
 Старая заплатница,
 Неутертый нос —
 На снос!
 Прокопий блаженный,
 Колпак трехсаженный,
 Мошна под полой, —
 Долой!
 Пришли мы — живые,
 Как жизнь сама...
 Кладешь мостовые!

Дашь дома!
 Успенья и Троицы
 Кирками ворочая,
 Вырастает-строится
 Столица рабочая,
 Встает стадионами,
 Театрами, клубами —
 Железо-бетонными,
 Застекленными кубами.

Пусть седые старухи в сердцах
 берегут
 Колокольный гуд,
 Богомольный зуд.
 Молодежь! Заглушай его
 дробью дерзкою—
 Дробью дерзкою — пионерскою.

Меряною, четкой
 Поступью-четкой,
 Выметите щеткой
 Старый сор.
 Ветхому надгробью,
 Сытому утробью,
 Выстучите дробью
 Приговор!

— Стоп!
 Слышишь, пионер?
 Различаешь по звуку?
 Миллионер
 Поднял руку.
 — Вперед!

И снова кружится
 Остановленный глобус:
 Зеброю мчится
 Ревущий автобус.
 Грузовики
 Трясут мешки.
 Летят вперегонки
 Два зеленых такси...
 Извозчик в сторонке.
 Бьет по клячонке:

— Господи, пронеси!
 Екает кляча—созданыще дош-
 лое.
 — Извозчик! Шесть гривен —
 отвези меня в прошлое.
 Правда ли, что прежде жилось
 легко —
 В стиле рококо,
 Безо всяких идеек...
 — Ваше сиятельство! Далеко!
 Положите девяносто копеек.

— Проезжай!
 Недоволен турист-рого-
 зей,
 По царь-пушкам умильно
 вздыхая...
 Бывало: Москва—музей.
 А теперь: Москва — ма-
 стерская.
 Археологам — нож...
 Ну, так что ж?
 Орите плакаты
 И громкоговорители:
 — Мы не экспонаты!
 Мы жители!
 Мы строители!

Провались ты, затея чортова,
 Прихоть кликушных баб —
 Равнять под Ивана Четвертого
 Рабочие вкус и масштаб.
 Мы хотим под кремлевскими
 стенами,
 Пробуравив пласты годов,
 Пробежать метрополитенами
 Электрических поездов;
 Начихав на сановные табели
 Грановитых и прочих палат,
 Подвести подземные кабели
 Под старинный чинный уклад;
 Пестроту усадебок-красенок
 Спокойно назначив на сруб,
 Округлить пирамиды башенок
 В цилиндры фабричных труб;
 В погребах, хранивших мальва-
 зию,
 Держать для зерна мешки —
 И сделать Америкой Азию,
 Географии вопреки!

Из улицы в улицу
 Толпы текут.
 Из улицы в улицу
 Протянут лоскут.
 Лозунг, словами пылающий:
 «Подпишись на третий решаю-
 щий!»

Эй, Москва,
 Союзу глава:
 Новая,
 Бескрестовая,
 Огромная,
 Неумная,
 Строящаяся!
 А. д'Актиль.

Ильич за одно срубленное дерево арестовал на месяцу коменданта Горок.

МЫ ШЛИ с тов. Гуляевым по ударной улице Москвы, вступившей в соревнование со смежными и тоже ударными улицами.

В переулках, примыкающих к ударным улицам, дымилась чаны с асфальтовым варевом. Зеленными петушками поднимались молодые деревья. Дворники смахивали всером-метлой пыль с серых, как сукно, тротуаров. Вода из поливной кишки выбрасывалась серебряной струей и ложилась на гладкой мостовой пятнами черного лака.

Шуршали шины чистеньких «бенцов», резвых «фордов», крепких «паккардов», «копелей».

Белая перчатка милиционера сдерживала пыл перекрестков. Вспыхивали красные и зеленые огни светофоров. Поток улицы то застывал, как льдина, то мгновенно таял и рвался вперед буйным паводком.

Катились автобусы, торопливые, солидные, хмурые, как ответственные работники, перебегающие с одного заседания на другое. По-заводскому лязгал трамвай.

— Да! — молвил тов. Гуляев, по привычке густо сплюнув на тротуар. — Да, вот как развернулась наша столица. Давно пора! А то, бывало, раньше идешь по улице — и чуть ветерок, так тебе в лицо — целые пригоршни всякой дряни. Черным. бывало, домой приходишь!

— Черным, говоришь. А сам плюешь. Грязнишь!

— Я ж не чахоточный, — пожал он плечами и, чиркнув спичкой, закурил.

— Гуляев, Гуляев, а почему спичку на тротуар бросил?

— Спичку можно, — уверенно разъяснил он, — окурки, действительно, не разрешается... А спичку... Ну что в ней особенного, в спичке?

Находу Гуляев закурил папиросу, оглянулся по сторонам и уронил окурочек на тротуар.

— Ну, вот, говоришь, не разрешается, а сам бросаешь...

— Брось, брось, братец, придирайтесь, — отмахнулся тов. Гуляев. — Где окурочек, а где милиционер. Если бы милиционер был поблизости, тогда — конечно, а так...

— А почему не бросить в урну?

— В урну? А чего дворникам подметать, если все будем совать в урну? Да и милиционера нет ведь поблизости!

— Ты и стекла в витринах, чего доброго, бить лачнешь, если поблизости не будет милиционера.

— Стекла? — задумчиво спросил Гуляев. — Нет, пожалуй, не стоит. Это, брат, в такой штраф влетишь!

Он высморкался, прикрыв пальцем левую ноздрю, и угодил в витрину Мосторга.

В сквере, куда мы вошли, Гуляев пустился напрямик по траве.

— Гуляев!!!

— Тридцать семь лет Гуляев, чего тебе?

— Если все будут ходить по траве, то посуды сам...

— Ну уж и все. Скажешь тоже такое. Столб-то ведь поблизости нет?

— Ну, нет!

— Нет? Вот и отлично. Ты погляди по сторонам, а уж я сорву кустик черемухи погуспе. Знаешь, как хорошо, когда в доме цветы. Ну вот, есть. Пошли!

Мы проходим тихим, еще не-ударным переулком, свернули в другой, задумчивый и мшистый, свернули в третий, свернутый, как улитка.

— А вот здесь живу я, — объявил у светлого мезонина тов. Гуляев. — Заглянешь?

Мы вошли в чистую переднюю.

— Вот тут половочок, — заблаговременно сказал Гуляев. — Уж ты, пожалуйста!

— На скатерть не облакачивайся, — попросил он, — только вчера из стирки...

Обломок спички, аккуратно лежал на пепельнице.

— Гуляев!!!

— Тридцать семь лет... А что?

— А ведь милиционера поблизости нет?

— Нет. А что?

— А то, что, стало быть, окурочки можно прямо на пол. Плевать куда прикажете — на стол или на стеночку? Кстати, что это за цветочки в вазоне? Красенькие такие, розовенькие? Прелесть! И как хорошо, когда в доме цветочки. Вазон я тебе, так уж и быть, оставлю! А цветочки...

Губы у Гуляева дрожали. В глазах бежали огоньки потревоженного комнатного хозяина, не доросшего еще до понимания того, что он, как и все трудящиеся у нас, — хозяин улицы, хозяин города, хозяин всей Советской страны.

Л. Митницкий.

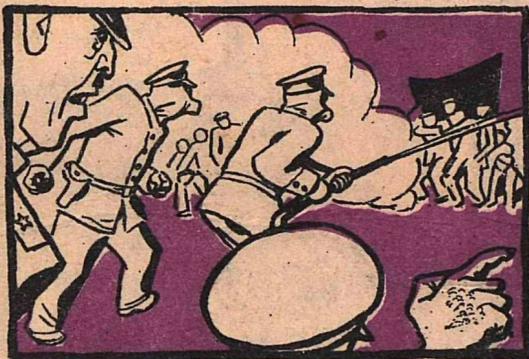
ВСЕ ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ!

(Коммунальное обслуживание за рубежом)

Л. Генц

Капитализм — средo новшества прочих. — Снабжает МЕБЕЛЬЮ рабочих (И ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ за раз!)

Им, только им, — ВОДА и ГАЗ!..

Пан говорит: „Мы всех научим Снабжать трудящихся ГОРЮЧИМ“.

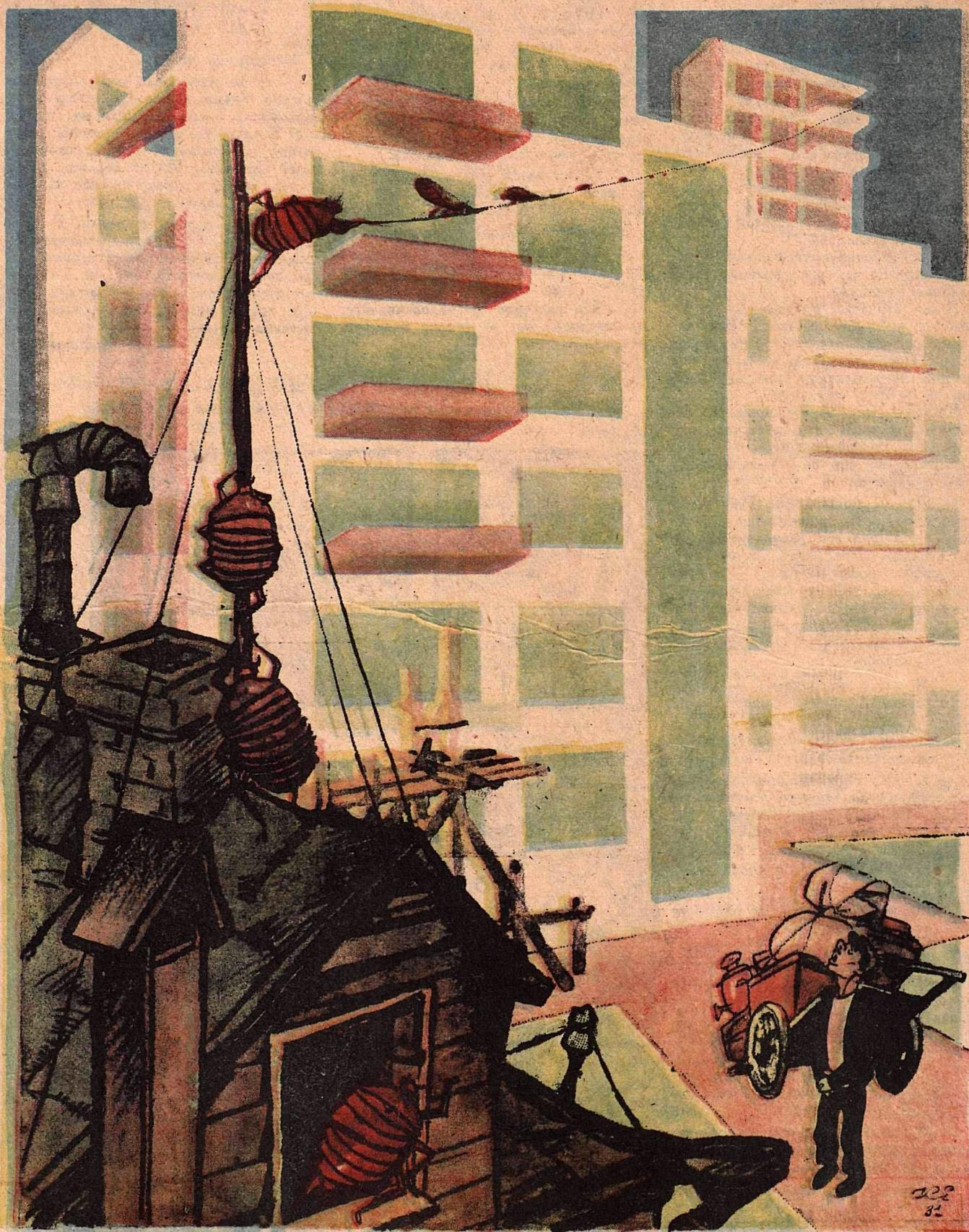
Все для рабочих — ВОЗДУХ, СВЕТ (Вот только стен и крыши нет!)

Власть наделять рабочих, стала Изделиями ИЗ МЕТАЛЛА.

А чистота? Куда ни глянь, — Бань не сочтешь... КРОВАВЫХ БАНЬ!

НОВЫЙ ЖИЛЕЦ: — Не пойму, правление жилкоопта революцию приняло, чтобы клопов не было, а они тут как тут...

КЛОПЫ: — А вы б нам копию прислали, а то мы не в курсе ваших мероприятий...

КОММУНХОЗ: — Где уж мне заводить новое хозяйство... И со старым никак не управиться... Там пригорело, тут убежало...

РАБОЧИЙ: — А ты брось стряпать в одиночку! Фабрику-кухню заводи да найди поваров поударнее!

БРИГАДЫ КЛАССИКОВ В РАБОЧИХ ЦЕНТРАХ ПУШКИН В ТУЛЕ

ТУЛА, 8/VIИ (По телегр. от наш. корр.).

Со скорым ленинградским поездом, опоздавшим, как водится, на час, в Тулу прибыл А. С. Пушкин. Присутствовавшие на перроне культработники чувствовали себя несколько растерянно. Выделенный для приветствия классика товарищ, сильно оробев, утерял дар слова и только беспомощно махал руками.

ТУЛА, 9/VIИ (По телегр. от наш. корр.).

Сегодня днем Пушкин осматривал город и его достопримечательности и посетил городской рабочий сад. Одолеваемой поздно вечером многочисленными корреспондентами, требовавшими от него «свечетасний», он

вышел к ним и прочел написанные по поводу Тулы стихи. Вот они:

Духовой жаждо томим,
В саду рабочем я влачился,
В аллее темной, недвижим,
Смотрел, прислушивался, влился...

С эстрады шел халтурный звон,
Моих ушей коснулся он...
Услышал я уйганок ржанье,
Кибитки, пытки, и... завод, —
Полуроманс, полуфокстрот,
Гармошки жалкие «страданья»...

Друзья, сидеть в саду — не сладость,
Того ли хочет наша младость!
Повсюду воздух заражен,
И пыль, и грязь со всех сторон...

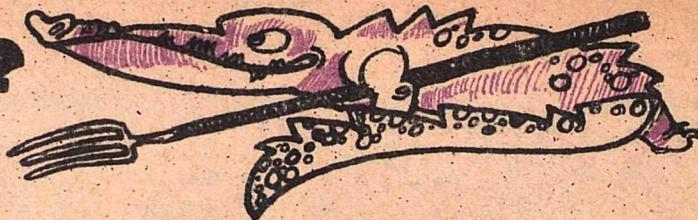
Я головой совсем поник,
Хотел бы стереть сей язык,

И празднословный и лукавый,
У тех, кто публику дразня,
Халтурит среди бела дня,
Гордась деньгами, а не славой...

Присутствовавший при этом культработник Миловзоров встал и пробовал что-то бормотать насчет «объективных причин». Пушкин, не стерпев, подал реплику:

Но бестолковая кукушка,
Самолубивая болтушка,
Одмо куку свое твердит...

Провожаемый презрительными взглядами всего собрания, культработник скрылся. Утром, провожаемый рабочими-ударниками, Пушкин выехал в Москву.

БОЙ НА СУЧКИНОМ БОЛОТЕ

Сатирический монтаж П. Майского

СТАРУХА история, кряхтя и вздыхая, пошелестела порывшим пергаментом и открыла новую страничку. Чья-то рука озаглавила страницу:
«Бой на Сучкином болоте».

В самом деле, чем Сучкино болото хуже какого-нибудь Бородине или Полтавы? Ровное и широкое, площадью в 38 га, изрытое окопами и траншеями, оно прекрасно для встречного боя. Дивизия располагается в нем, защищенная лесами, и лобовым ударом наносит ущерб противнику.

— Что за батальная сцена? — недоумевает читатель. — Какой бой? Где, когда?

Отвечаем: на Сучкином болоте, в Москве, за Крестьянской заставой, 5 июля, в лето 1934-е.

Рассеем дым недоумения. Вчера еще никому неизвестное Сучкино болото сегодня стало знаменитым на весь мир! Капиталистическая пресса Швеции и Америки уже пишет о Сучкином болоте с собачьей злостью. «Крокодил» и вся советская печать следят за ним с пристальным вниманием. Наперекор законам природы на этом болоте растут леса. Да еще какие! Могучие, стройные, верхушками уходящие в небо, леса Шарикоподшипнистрой!

К концу пятилетки завод уже даст 25 миллионов советских шарикоподшипников. Шведская концессия в Москве «СФК» лопнула от удивления перед этой цифрой.

Но тут выступает на сцену процент. Процент прорыва. Тщедушный и жалкий отпрыск прогульщика и летуна — он

На Шарикоподшипнистрой сплошь и рядом плохие инструменты, их не ремонтируют.

— Почему ты камнем гвоздь забиваешь?
— Я ж говорю: у нас инструменты каменного века в моде.

О КОЛЛЕКТИВНОМ ГЕРОЕ

ВЗРАСТИТЬ гигант не так-то просто, чтоб рос он мощью корпусов. И ясно, что болезни роста! На стройке есть среди лесов.

Я, «Крокодил», отнюдь не доктор. Но, измеряя пульс труда, ловлю сейчас на слух гулок тот, что прозвучит через года. Вскрыленный Шарикоподшипник войдет, как равный, в гулкий строй, и пусть историки в тиши книг найдут, кто ж истинный герой?

Их тысячи, десятки тысяч Упругих, сильных, молодых... Их имена в граните высечь, Их именами взвихрить стих. Но нет, нехватит плит гранита, Поэм не писано таких! У нас — не люди знамениты, Герой — эпоха. Век, как вихрь!

Но лозунг против обезлички У нас на деле претворен. Даем в сегодняшней страничке Монтаж из фактов, цифр, имен.

«Крокодил».

становится в воинственную позу и грозит:

— срывом строительного плана, — задержкой в пуске завода.

На июнь в плане стройки оказался прорыв на 12 процентов. Тогда, красногвардейцы, красные партизаны и краснознаменцы Москвы решили выступить в бой. Снова воскресло и ожило слово «субботник». Снова десятки тысяч людей вышли на работу с песнями и смехом и стали растить завод. В течение 10 дней не только уничтожен и смят июньский прорыв, но месячный план даже перевыполнен на 14 процентов.

★

— Скажи мне, ветка желдорги, где ты росла, где ты цвела и, наконец, где ты планировалась, чорт возьми!

— В строительном отделе МКХ! — скорбно отвечает ветка, уходя в недра преисподней.

По вине МКХ прокладка ветки к заводу идет на 0,60 метров глубины, хотя почти с таким же успехом ее можно было провести на поверхности.

Товарищи из МКХ! Не ройте другим ямы! Иногда это рискованно.

★

Монтаж фактов идет к концу. Чего никак нельзя сказать о монтаже строительства. Строительный трест Союзстрой упорно задерживает чертежи по постройке главного корпуса и ряда других объектов. Трудно назвать это объективной причиной, так как в задержке объектов виноваты скорее всего субъекты из Союзстроя.

ШАТКИЙ МЕСТКОМ

Местком строителей Шарикоподшипнистрой не борется с прогулами. Рабочие требуют суда над прогульщиками Бабаевым, Скворцовым, Одинцовым и Аняевым, но местком маринует дело.

ВОЛОС дыбом, лица ярки, Дым стоит под потолком. Весь «квартет», наполнив чарки. Поднимает за местком: — Дай, господь, ему здоровья! Он для нас — как ни верти — Точно мать у изголовья У любимого дити!.. В суд жадеют нас предста-вить —

Бузотеры против нас, — Но местком за нас всегда ведь — К-к-каждый миг и каждый ч-ч-час!..

Занкается «красавец», — Пьет квартет до петушков, Возглашая сотню здравий За месткомовских дружков. Пьет и в девять, пьет в двенадцать...

В состоянии таком Может, право, зашататься Упомянутый местком! Д. Кондрат.

ПЕСОК НА ПОДШИПНИКАХ

Забор. На заборе плакат: «Тов. Курдюмов, устройте рабочим душ, пока они не устроили вам бани». Вот редкий случай БЕЗДУШНОГО отношения к рабочим нуждам.

★
На постройке главного корпуса третий взвод простоял целый час без работы из-за халатности десятника.

Не потому ли весь взвод стоял на часах, что десятник сам окавался на взводе?

„Крокодил“ директору

дал —

Рабочим Москвы — шевелиться!..

Шлите боевой материал В московские свои страницы!

Брыз на Шарикоподшипнистрой бездействует. На доске изобретательства и рационализации нарисованы какие-то головки.

— Это изобретатели, что ли, изображены? Почему же здесь одни головки?

— Да потому, что ноги в брыз побежали!

Я НЕ ТУРИСТ, но в этом роде
 Любовь к туризму — модный жест.
 Воскрес Онегин. Снова в моде
 «Охота к перемене мест».
 Мне не летать (нужна монета)
 С американцами вокруг света.
 Я (помещает ряд причин)
 Не попадаю на дешелин.
 Мне по карману рейс трамвая...
 Вы улыбаетесь хитро, —
 Ей предпочли б ему метро?
 Свою отсталость признавая,
 Я защищаю свой маршрут.
 (Есть интересное и тут)

КОЛЬЦО А

(ПОЭМА О ДЕСЯТИ БУЛЬВАРАХ)

Текст Эмиля Кроткого

Он устарел? «Ничто не ново»...
 Не утаю: и сам я стар.
 Что ж начинать? Начну с Твер-
 ского, —
 Мне понутру Тверской бульвар.
 Здесь, повернув театр фасадом,
 Таиров стал с эпохой рядом;
 Здесь, знаменит в домов толпе,
 Вознесся дом ВССП —
 Дом беллетриста, дом поэта,
 Здесь, посплыв на «имена»,
 Самокритически грозна
 «Литературная газета».
 Не потому ль здесь Пушкин стал
 На неприступный пьедестал?!

3

Враг полемического жара,
 Я избегаю «скользких мест».
 Вот и Никитского бульвара
 Так называемый «проезд».
 Вот промелькнул (отметчу кстата)
 Постеприимный «Дом печати»,
 Где в стародавние года
 Бурляла диспутная вода.
 Здесь диспутуют и ныне,
 Но словопрений до утра
 (Я ж говорю: не та пора!
 Мы деловиты) нет в помине,
 И диспутант минувших лет
 Предпочитает им... буфет.

4

О, молодежь! Осудишь строго ль
 Нас, утерявших юный пыл?
 ...Вот и Пречистенский, где Гоголь
 Монументально приуныл.
 Так наваял его Андреев?
 Иль коридей из коридев,
 И впрямь оплакивает он
 Свой сатирический уклон?
 Уж сколько раз твердил миру
 Насчет сатиры, — что она
 Общепользна и нужна, —
 Увы, свершилась! Сатиру
 Без лишних слов и долгих дум
 «Похорошил» Владимир Блюм.

5

Листвы зеленая завеса
 Редает... кончилась — и вот
 В великолепии МОГЭСа
 Урбанистически встает
 Здесь обомшело, — неизменны
 Кремля торжественные стены,
 Там слышат Дворца труда
 Колышет ржавая вода.
 Электромачты. Ветра вздохи
 Их не колеблют, шевеля
 Траву на башенках Кремля.
 Две панорамы. Две эпохи...
 Я б сопоставил их, но... мне ль
 Сюю осилить параллель?

Люблю Москву, где нынче часты
 Вышеотмеченные мной
 Невыразимые контрасты
 Меж новизной и стариной.
 «Первопрестольной» панорама
 Общеизвестна: купол храма,
 Грязь тупика, домишек ряд,
 И в стороне — «пивная-сад».
 Вот уголок столицы древней,
 Вот уголок столицы той,
 Что называлось встарь «святой»,
 А иногда — «большой деревней».
 Но на «пейзаж» глядит с угла
 Клуб из бетона и стекла.

6

Вон в тупичке, — читатель, глянь-ка
 (Смысл этой сценки так глубок!),
 Широкозадый дремлет «Ванька»:
 Ты восхищен? — «Совсем лубок!»
 Любитель темпов лошадиных,
 Смотрит: вступает в одиночку
 С сим экипажем в «стиле рюсс»
 Сорокакасиный автобус.
 Нам не указ — былого опыт,
 Мы понимаем: сочтены
 Дни тихоходной старины,
 Нас революция торопит,
 И близок день: мое перо
 Опишет первое метро.

7

И ничего, что с улиц ближних
 В лицо ударил едкий дым!
 То — дым асфальтовый. Бульжник
 Вот-вот отступит перед ним.
 Мы не в ладу с бульжником бытом,
 Нам подавай гудрон да битум,
 Нам, автодорожцам, мила
 Дорог удручная сошла.
 Уходит прочь Москва лошадох,
 «Даешь авто!» — эпохи клич.
 Стал привередливым москвич:
 Мол, кое-где асфальт неглазок,
 А помогла б дороги гладь
 Других «догнать и перегнать».

8

Как мне не люб асфальт московский.
 Я тороплюсь продолжить путь
 Бульвары Лузский и Покровский
 Я не найду чем помянуть.
 Ну, а Покровские ворота
 Изображать мне не охота.
 Тебя, читатель, вразумив,
 Что налицо лишь некий миф,
 Свообразен быт советский,
 Но сохранил однакож он
 Ряд исторических имен.
 Не доверяй им! Мост Кузнецкий
 (Смысл этих слов не так уж прост) —
 И не Кузнецкий и не мост!..

9

Я ододел пролет сей трудный
 (Чу, полетчало, — темы прут),
 Рекомендую Чистопрудный,
 Где перманентно грязей пруд.
 Вот драмодал, как знак вопроса,
 Стоит пред домом Наркомпроса.
 Главреперткому слав на вес
 Три килограмма «модных» пьес.
 Он ждет ответа, ждет присема,
 Я задержусь здесь на момент —
 Я Главискусства не клиент
 И не клиент Главреперткома:
 Я не гублю ни МХАТ, ни ТРАМ
 Психологизмом мрачных драм!

11

Мы задержались, право, даром.
 Минуем Сретенский, дабы
 Крутым Рождественским бульваром
 Скатиться к площади «Трубы».
 Как обойти тройой окольной
 Под'езд комиссии контрольной?
 Сторожевые львы твои
 Мне подмигнули, РКИ, —
 Мол, не робей напрасно, дядя:
 Ты не растратчик, хоть подчас
 Спешнши растратить рифм запас,
 На экономню не глядя.
 Бывает! Слов транжир и мот,
 Я перейду на хозрасчет.

12

Вот и «Труба». К «Трубе» под'ехал.
 Как не отметить, что о ней
 Нам рассказал когда-то Чехов.
 Как далека Москва тех дней!
 Был этот рынок чтим столицей —
 Здесь торговали певчей птицей
 (А иногда за четвертак
 Сбывали краденых собак).
 Ну, а теперь —, какая проза, —
 Здесь увенчав крутой откос,
 Меланхолически возрос
 (Плод ухищрений Откомхоза
 На протяжении ряда лет)
 Модернизованный... клозет!

3

Натурализма перегибы
 Мне не по вкусу, — я не груб,
 Но... «вы доктори сыграть могли бы
 На флейте водосточных труб?»
 Из Маяковского цитата
 Принципиально грубовата.
 Смысл этих строк: Я — не эстет,
 Тем, недостойных песни, — нет!
 Мы не рабы традиций вздорных,
 Не охранители стиха:
 Все достижения МКХ,
 От водосток до уборных,
 Мы подадим, пришедши в раж,
 Как поэтический пейзаж!

14

Вас не влечет пейзаж таковский?
 Что ж, обойдем его. За мной!
 Прошелестел бульвар Петровский
 И, наконец, бульвар Страстной.
 Автомобилями сверкая,
 Нам улыбается Тверская.
 И вот зачернел гудронный дым
 Над обновляемым Тверским!
 Здесь, перед бронзовым счетом,
 Мы подведем бульварам счет.
 И — завершим круговорот.
 Не возразил бы, если б в этом
 Вы доказательство нашам
 Шарообразности земли!

ПО СЛУЧАЮ выхода «коммунального» номера мы решили пополнить существенный пробел в системе энциклопедических знаний, выпуская специальную коммунальную энциклопедию. Итак, без длинных предисловий:

«А» — одна из популярнейших московских трамвайных линий. Отличительная примета: не видать номера из-за обвисевших вагон пассажиров. Впрочем, другие линии не отстают от «А» по количеству висящих километр-пассажиров.

Автобус — очень похож на трамвай. На нем немного труднее висеть, но зато так же легко опоздать на работу. Есть, впрочем, и разница: если многие трамвайные кондуктора ругаются, как извозчики, то автобусные кондуктора ругаются уже... как шоферы.

«Б» — тоже трамвай. См. «А».

«В» — тоже трамв... Впрочем, надоело!

Вентиляция. То, что принципиально отсутствует во всех кинотеатрах, за исключением тех счастливых случаев, когда у администратора порок сердца или грудная жаба.

Водопровод (вернее водоснабжение) до 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и т. д. этажей. Для того чтобы ликвидировать это узкое место, нужно прежде всего мобилизовать широкие массы на борьбу за реконструкцию коммунального хозяйства. Если собрать и использовать: а) всю воду, которая выпита на кабинетных обсуждениях водопроводного вопроса и б) воду, которой полны некоторые статьи и резолюции местных исполкомов об организации водоснабжения, то этой жидкости хватит не только на летнюю поливку улиц, но и на обливание с ног до головы всех проходящих граждан. (См. «Душ»).

Газ. Такая штука, которая прет по трубке и служит для варки пицци. Если мы еще не можем снабдить этим полезнейшим достижением науки и техники все новые рабочие жилища, то буржуазия на Западе уже давно «отпускает» рабочий газ в весьма значительных количествах. В особенности распространены там слезоточивые газы для разгона рабочих демонстраций.

Дорога. До недавнего прошлого существовало убеждение, что все дороги ведут в Рим. Сейчас выяснилось, что Рим здесь ни при чем. И если кто-нибудь виноват в том, что дорога ведет не туда, куда нужно, или вовсе никуда не ведет, то это — плохо работающий дорожный отдел. (Автодор, где ты?).

Домоуправление — не могло войти в нашу энциклопедию, так как занято сейчас разукрупнением.

Жилкооп. Многие жилкоопы занимают главным образом перерегистрацией членов. В свободное время строят дома. Просьба не смешивать с мажорант, которые разрушают дома; если, правление бездейственно и управдом, адобавок, оппортунист.

Д. Мельников

ВРЕДИТЕЛЬ НАСАЖДЕНИЙ (со сна): — Карраул, граждане, ведь это же форменное хулиганство!

Зелень. То, чего нехватает не только в плохих кооперативах, но и на хороших бульварах.

Крематорий. Единственное учреждение, против невыполнения планов которого никто возражать не будет. Кстати, СССР — единственная страна, где смертность значительно пала.

Канализация — предпочитала до последнего времени жить в центре. Сейчас ее усиленно гонят на рабочие окраины. С венецианскими каналами ничего общего не имеет.

Китеж. Город, который был залит со всеми потрохами из-за порчи китежской канализации.

Лимонад. См. «Ситро», «Нарзан», «Боржом» или «Квас». Впрочем, смотреть за этим делом должны торговцы и кооперация. А то из-за «работы» некоторых «фруктов» — фруктовых вод явно нехватает.

Метрополитен. Несовершенный вид городского транспорта, где нельзя висеть на подножках; кроме того, на него трудно будет сослаться при опоздании на работу.

Мостовая. Часть улицы, по которой нельзя ходить, так как она всегда бывает разрыта. Если она была покрыта булыжником, то ее кроют асфальтом. А если — асфальтом, то значит кроют... строителей крепкими словами, а испорченную мостовую перекрывают заново.

Кликер. Двухродный брат кирпичца. Усиленно затирается бюрократами только на том основании, что родственникам в одном коммунальном учреждении служить не полагается.

Освещение — главным образом электрическое. Светит, но не греет. Впрочем, из-за перегрузки станций оно еще часто и не светит. В особенности, если на станции царит обезличка.

Отопление — бывает разное: паровое, электрическое, голландское. Иногда не бывает никакого отопления. Если, например, управдом во-время не отремонтирует котлы или Гортоп не завезет к морозам топлива. Таким работникам становится после соответствующего взгрева жарко, но жильцам от этого уже ни холодно ни жарко. Поэтому рекомендуется следить за работой домоуправлений во-время.

Ремонт — см. «управдом». Управдом, смотри за ремонтом!

Соревнование (социалистическое). Без него коммунальное хозяйство не может реконструироваться большевикскими темпами. Может быть соревнование улиц, этажей, квартир и даже отдельных жильцов. Не должно быть только соревнования на самое слабое проявление бюрократизма и оппортунизма в перестройке работы коммунальных органов.

Телефон — Алло! Станция? Станция?! Станция?! Не работает? Дайте автоматическую, и как можно скорей!

Составил

И. Алевский

КОММУНАЛЬНЫЕ ТРЕЩИНЫ

Текст А. Каменогорского

Рисунки К. Ротова

РАСТУТ города и посевы и домны.
Успехи гигантски, успехи огромны

И будут расти и расти!
Но этот рассказ не о наших успехах,
А этот рассказ о досадных помехах
На нашем нелегком пути.
Годами в прогулах я был непови-
нен, —

Завод мне свидетелем в том...
И гнев мой не стынет,
И горше полыни
Сознание, что ныне
В палате-пустыне
По самой нелепой и странной при-
чине
Лежу я с больничным листом.

**

Сидел я на стуле спокойно и скром-
но...
Как вдруг штукатурки кусище огром-
ный
На голову падает мне!..

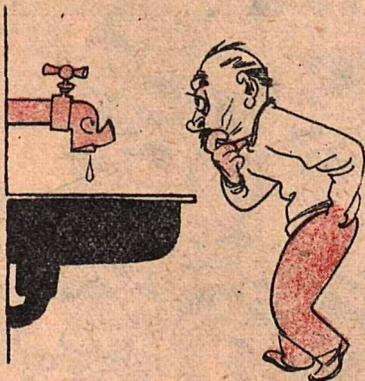

И взвился ракетой поток моих жалоб:
— Ведь этак и до смерти можно, по-
жалуй!

Проклятие этой стене!
Но стены в ответ мне сурово сказали:
— Бери обвиненья назад!
Тут наша вина ли,
Что дряхлыми стали?
Годами едва ли
Ремонт мы выдали...

Чего же ты валяешь на нас и сканда-
лишь?!

Не мы тут, а жакт виноват!
Мне дурно! Воды!.. К умывальнику
лечу я,
И кран оловянный с азартом кручу я,
И жду.. но вода не идет.

И, стоя у крана, твержу я в унынье,
Что явственным стал саботажником
ныне

Проклубный наш водопровод!
Но кран отвечает: — К чему здесь
нападки?
Тут мой ни при чем саботаж!

Старинной я кладки,
Уже я в упадке,
К тому же не гладки
В правленья порядки...
И вот — у воды нехватает зарядки
Взобраться на пятый этаж.
Где бинт мой? Ищу его в спешке
ужасной,
Но вдруг, подмигнув, электричество
гаснет,

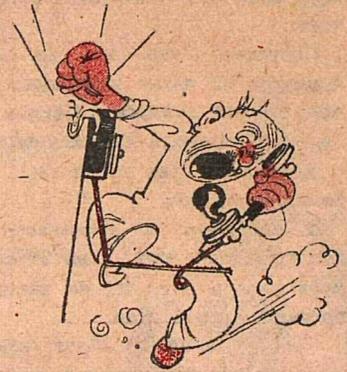
Стою в темноте дураком...
И злость изливая в словах энергично,
Во мраке ору неприлично и зычно
И лампе грожу кулаком.
Но лампа в ответ мне: — Оставь эти
жесты,

В своих обвиненьях ты смел...
Но что мне протесты,
Коль город наш, взвесь ты,
Он пухнет, как тесто,
А я так ни с места.
И в этом вина, разумеется, треста,
Который не предусмотрел!
Врача мне скорее!.. Я мчусь к теле-
фону,

Я слышу, как радио жалобно стонет...
Все нету ответа и нет...
Молчу я, кричу, и снова молчу я,
И снова кричу я, пантерой рычу я, —
Напрасно... Не слышен ответ.
Но вдруг телефон говорит мне: — К
чему же

Пантерой в мембрану рычать?!
Ведь этак же хуже,
Я так не могу же,
Хоть многим не нужен,

Но все говорят в меня, я перегру-
жен, —
И попусту бьешь ты рычаги!
Я понял, что тут мы отстали не мало,
Что время расплаты за это настало,
И счет наш пред'явлен сполна...

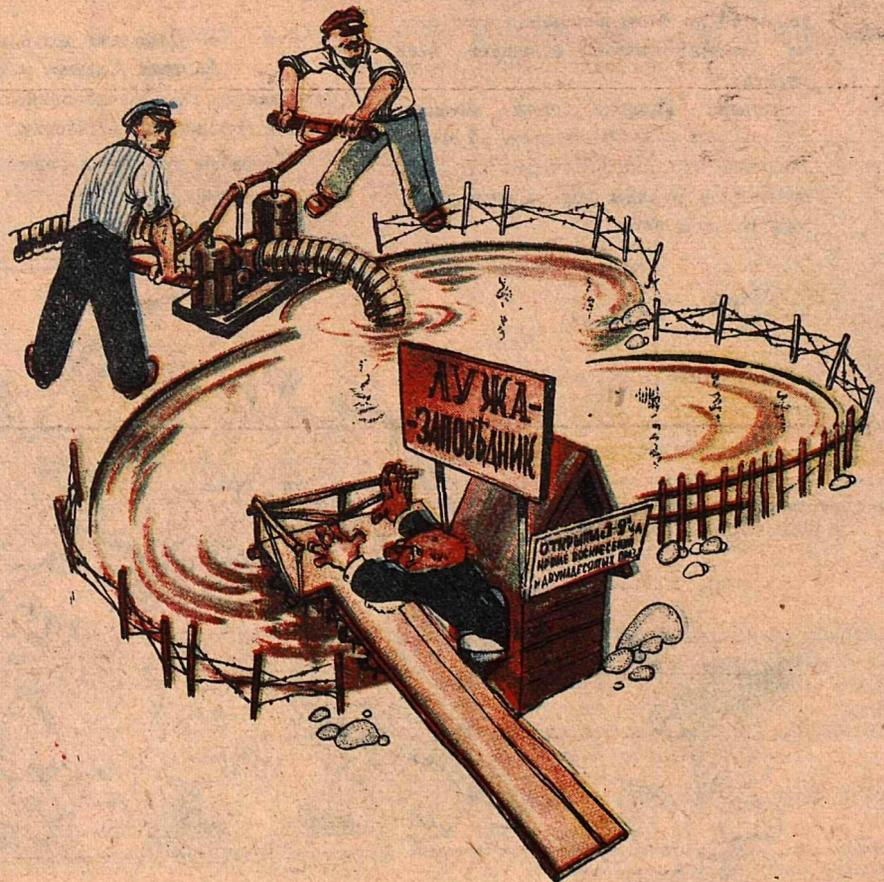

Они пред'явили нам счет неуклон-
ный, —
И лампа, и кран, и звонок телефона,
И каждого дома стена...
Но с этим покончить, пожалуй, по-
ра бы,

Довольно нести нам урон!
Чтоб прочно была бы,
Развеяна тьма бы,
Текла бы вода бы,
В порядке дома бы
И чтобы не мучил по часу хотя бы
Молчаньем своим телефон!

М. Храпковский

Под видом исторической целостности у нас
иногда сохраняется куда ненужное ба-
рахло.

ХРАНИТЕЛЬ СТАРИНЫ. — Что вы делаете?! Это ведь историче-
ская думка, в которую дважды плюнул Александр I проездом в Таганрог. 13

КОММУНАЛЬНЫЙ БЫТ

В этой маленькой квартирке, уплотненной, как трамвай, жизнь клокочет в каждой дырке, выливаясь через край. Что ж, пройдемся да заглянем хоть на несколько минут, как в тумане на вулкане люди все-таки живут... Голова, как смета вспухнет...

Испуская вонь и чад, девять примусов на кухне раздражающе урчат. Вторят примусам соседки. Языки, как кушорос, и язвительны и едки: и в котлетки и в обедки непременно сунут нос.

В коридоре, в тон-миноре бродит сумрачная тень и во взоре горя море: дверь уборной на запоре непременно целый день.

Хвост у ванной. Ждут, как манны, мыться пустят ли в нее: Дарь Степанна с Марь Ивановой спозаранку нынче в ванной моют грязное белье.

А за стенкой из фанеры — пальцы в уши, в книгу взгляд, — медик-вузовец без меры зубрит признаки холеры, но средь дикой атмосферы не идет долбеж на лад.

Спец в «рабочем кабинете» (он же спальня и т. д.) урезает цифры в смете. Тут же лунят мопса дети. Теща роется в буфете. Ждет жена седьмой котлете места на сковороде.

Мать ушла. Визжит ребенок. Примус воет, как шакал. Вонь испачканных пеленок. У дверей пищит котенок. И до боли перепонки этот хор, не стройно-звонок, оглушает весь квартал.

Лодырь Прошка пьян немножко: он уже с субботы пьет. И насытившись картошкой, через открытое окошко он рулады под гармошку диким голосом поет.

Гулик.

КЛАССИКИ О ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Мы провели анкету среди поэтов, писателей, мыслителей и т. д. по поводу московского городского хозяйства. Вот что ответили эти великие люди.

Грибоедов на другой же день после реализации постановления пленума ЦК о городском хозяйстве:

— А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

★

Он же, недоверчиво относясь к намерениям правления своего жакта поправить развалившуюся отопительную систему:

— Блажен, кто верует, тепло ему на свете.

★

— В карете прошлого далеко не уедешь, — заявил Максим Горький, усаживаясь в вагон метрополитена и намекая на трамвайные неполадки.

★

— Вырыта заступом яма глубокая, — горестно воскликнул Никитин, заметив, что яма, вырытая коммунальщиками посреди Тверской, по забывчивости не засыпается вот уже второй год.

★

— Дома новые, но предрассудки старые, — воскликнул Грибоедов в разгар примусной войны на кухне его новой квартиры.

★

— Кажинный раз на этом месте, — досадливо промолвил Горбунов, вылезая из трамвая, принявшего участие в пробке на Лубянской площади.

★

— Как мало прожито, как много пережито, — ответил унылый Надсон, переступая порог недавно построенного, но уже разваливающегося дома.

★

— От нее все качества, — намекнул Л. Н. Толстой на отсутствие у обществности хозяйственного отношения к городскому хозяйству.

★

— Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой, —
сурово заявил Вл. Маяковский, требуя от граждан покончить с хамским отношением к городскому хозяйству.

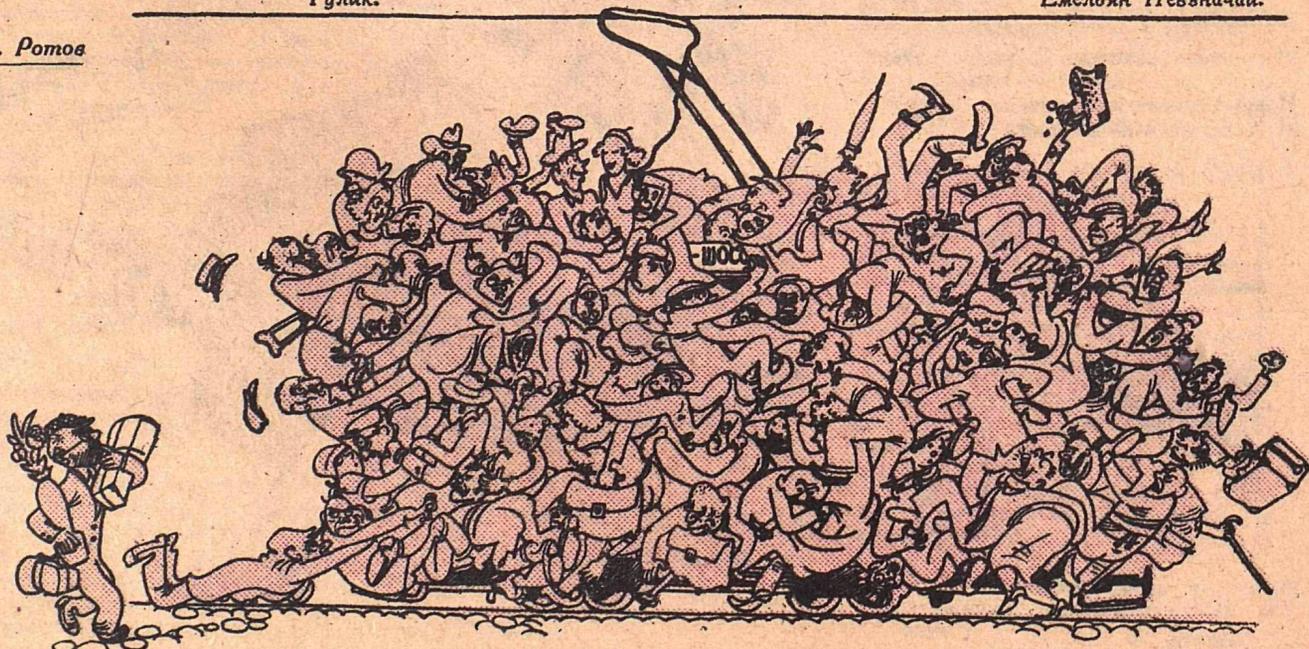
Этого же требует и решение пленума.

Слышите, граждане!

Интервьюировал

Емельян Невзначай.

К. Ротко

НА ТРАМВАЙНОЙ ОСТАНОВКЕ

— Сест-то, конечно, можно, но вот какой это номер — никак не разберу...

ЛЕТНЯЯ ЭЛЕГИЯ

(Вольное подражание Пушкину)

К. Ротов

В АЛЛЕЕ УДАРНИКОВ

БРОЖУ ЛИ я по городскому саду,
 В тенистый парк бреду ли помолчать, —
 Среди зелени я нахожу отраду,
 Читая всюду четкую печать.

Плакатов повешаны гирлянды, —
 Я их считать десятками готов;
 Живут слова культурной пропаганды:
 «Не мять травы» и «Не срывать цветов!»

То робко просят вас «не выражаться»,
 То «останавливаться» запрещают вам, —
 Увы, всего не перечислить вкратце,
 Гуляя в парке по прохладным вечерам.

Брожу ли, молча, по аллеям сада,
 Где воздух мягок и пахуч, как воск, —
 Всегда, как червь, грызет меня досада,
 И мысль упрямая пронизывает мозг:

«Скорей бы обойтись без этих плакатов!..
 Эх, сколько мы бумаги сэкономим,
 На этой же бумаге срочно отпечатав
 Пяток учебников с миллионным тиражом!»

В. Гранов.

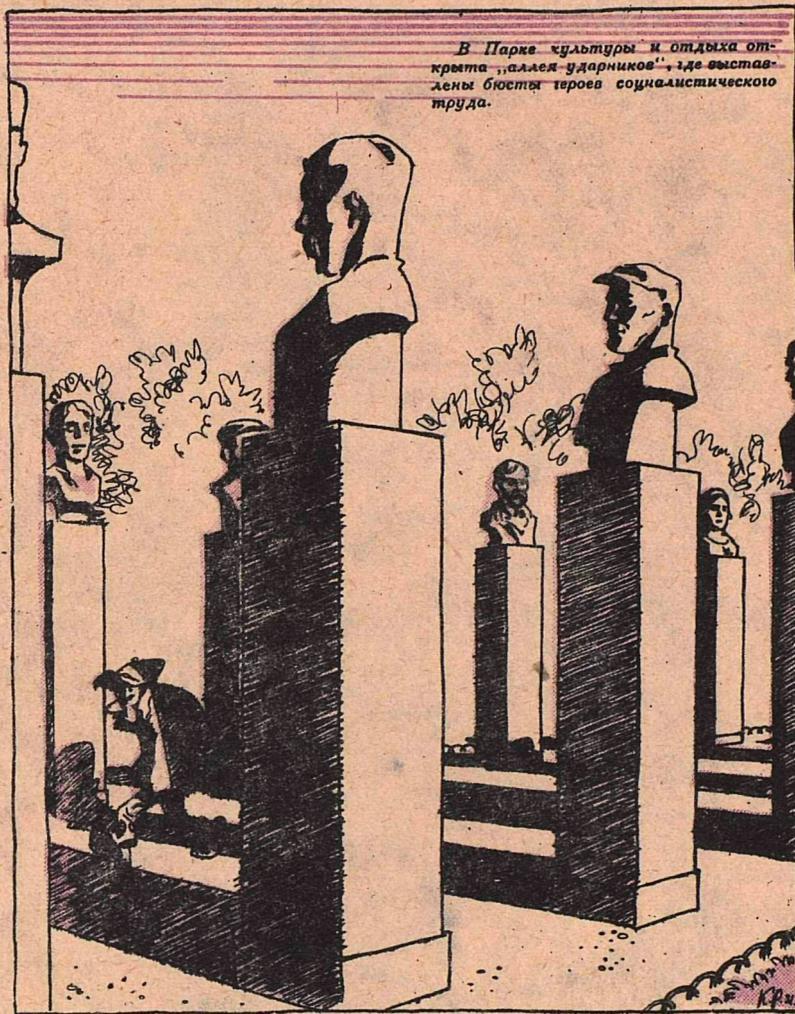
МЫСЛИ В СЛУХ

Материалы кружка рабочих сатириков при редакции „Крокодила“

Не оттого ли мало прачечных, что мало «постирали» коммунхозские штаты? Ф.к.

Хорошая вывеска над продуктовым магазином еще не говорит о продуктивности работы в нем.

Некоторые завыв, сидя в теплоотопляемых кабинетах, думают, что теплофикация окончена. Кез.

В Парке культуры и отдыха открыта „аллея ударников“, где выставлены бюсты героев социалистического труда.

ПРОГУЛЬЩИК. — Не нравится мне чьей-то тень, которую эта аллея бросает на меня.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Администрация курского дома отдыха железнодорожников — это же не администрация, а прямо мать родная! В заботах о безмятежном спокойствии отдыхающих она вывела такое распоряжение:

Наряду с запретами выпивки спиртных напитков и картежной игры категорически предлагается не возбуждать споры по волнующим вопросам (религия, политика и т. д.).

Запретный плод как назло вкусен. Железнодорожники исподтишка, тревожно озираясь по сторонам, говорят о пятилетке, о темпах, о реконструк-

ции транспорта и нелегально почитывают газеты. Тогда хитрая администрация додумалась прекратить выпуск газет.

Трудно сказать что-нибудь о преступном нарушении покоя отдыхающими. Но администрация явно просится на покой. Увольте ее!

А ВЫ ГОВОРИТЕ — КУПАТЬСЯ

Рассказ о городе Рассказове (ЦЧО) начинается очень просто. Была река. Куры отважно переходили ее в брод, не замочив хвоста. Тогда Рассказовский горсовет решил оборудо-

вать пляж, запрудив реку. Не жалко тысяч рублей, ухлопанных на это предприятие. Досадно вот что. Купающиеся, залезши в воду представителями белой расы, вылезают обратно чернокожими. Дело объясняется просто: винокурный завод спустил в реку барду, нефть, мазут и, мягко выражаясь, разные нечистоты. Хотели жители вымыться после этой катастрофы, но в городе нет ни одной бани.

Один только горсовет вышел сухим из воды. Он не получил даже простой головной уборы

ТЯЖЕЛЫЕ КРЕСТЫ

Тверское горпо и «Динамо» ударно снабжают население тубетейками, сшитыми из поповских риз. Каждая тубетейка усеяна крестами, как звездами темное небо.

Разочарованные тверичи «идеи божества» несут обратно в «Динамо» и горпо, но те «купленный товар» обратно не принимают.

Предвидя такую горькую участь тверичей, известный поэт давно оплакал их, сказав: «Тяжелые кресты достались им на долю».

МЕСТКОМ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Местком майкопской конторы Союзтранса, слепо подражая закрытым распределителям, сделал себя тоже закрытым. Поставив повесткой дня боевые вопросы — мобилизацию средств и работу добровольных обществ, местком «засел», плотно закрыв двери от явившихся на заседание работников комсода, ячейки МОПР и других активистов-ударников.

Так, не вынося яркого света самокритики, местком совершил замозакрытие.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 8. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 40 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, А. Митвицкий, В. Филов.
 Зав. редакцией: И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский
 Уполномоченный Главлита № В-6322. Тип. „Рабочей газеты“, Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 1040. Тираж 500.000 экз.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОЖАРНЫЙ

ГУВЕР.— Огонь разгорается сильнее... Он может перекинуться на соседние здания, а кишка у меня, кажется, тонка!..